

Новая монография российского культуролога и литературоведа, одного из ведущих специалистов по истории Австралии А.С. Петриковской посвящена изучению культурных аспектов русско-австралийских связей. Автор впервые в отечественной научной литературе исследует многообразное воздействие русской культуры на формирование национальной культуры Австралии, анализирует появление и эволюцию стереотипов восприятия России и русских в австралийском национальном самосознании, а также прослеживает вклад русской диаспоры в развитие культурной жизни австралийского общества. Хронологические рамки исследования – XIX и первая половина XX в. Оно охватывает период от начала установления контактов между Россией и переселенческими колониями Англии на пятом континенте вплоть до того времени, когда, с одной стороны, завершаются процессы этнической консолидации и культурной самоидентификации австралийской нации, а с другой – в австралийском обществе утверждаются те представления о России, которые, по сути дела, доминируют и сегодня.

Проблематика монографии А.С. Петриковской необычайно актуальна. Опыт последних десятилетий более чем убедительно показал, насколько сильно империологические аспекты взаимоотношения этносов влияют на развитие межгосударственных и международных отношений. Необходимость развития всесторонних связей нашей страны с Австралией, сохранения контактов с соотечественниками на пятом континенте придают труду А.С. Петриковской наряду с чисто академическим интересом определенную практическую направленность. В более широком культурологическом плане рецензируемое исследование позволяет значительно расширить наши представления об интернациональной значимости русского культурного наследия в целом.

А.С. Петриковская давно и плодотворно исследует историю русско-австралийских культурных связей. Именно поэтому ее новая книга, представляющая собой своего рода итог и обобщение предыдущих трудов автора, отличается широтой охвата темы и доскональным знанием фактического материала. Высокий профессионализм автора как историка, культуролога и литературоведа позволяет провести исторический, художественный и литературоведческий анализ произведений литературы и искусства Австралии, выявить русские аллюзии в художественном творчестве австралийцев, исследовать воздействие русских культурных реалий на развитие литературы, живописи, театра, хореографии пятого континента.

Большое внимание уделено влиянию политических катаклизмов, имевших место в России на протяжении XX в., на умонастроения австралийской творческой интеллигенции и, в конечном итоге, на отношение к России и СССР австралийского общественного мнения в целом. В монографии использованы как опубликованные работы представителей австралийской творческой интеллигенции, так и архивные материалы, мемуарная литература, записи личных встреч и бесед автора с рядом представителей австралийского научного и культурного истеблишмента. Уже при самой общей оценке новой монографии А.С. Петриковской нельзя не отметить необычный для произведений научного жанра литературный стиль: книга написана ярким, насыщенным художественными образами и сравнениями языком. Многие из поэтических цитат даны в замечательных переводах автора.

А.С. Петриковская начинает свой рассказ о культурных контактах россиян и австралийцев с первой четверти XIX в., когда во время визитов в Сидней и Хобарт участников русских кругосветных плаваний австралийцы имели возможность познакомиться с русскими художниками и естествоиспытателями – участниками экспедиций, послушать музыку в исполнении оркестров русских военных кораблей. Дружеские отношения между Россией и Англией в период после победы над Наполеоном порождали в колониальной прессе благожелательные отклики на посещения русскими Австралии. Наиболее ярким примером такого рода откликов может послужить русофильская ода Дж.Д. Ленга (1829 г.). Однако в целом информированность австралийцев о России оставалась весьма поверхностной, их представления не выходили за рамки английской матрицы о России как царстве вечной зимы и холода.

К середине XIX в., и особенно со времени Крымской войны вслед за Англией и в Австралии возобладали негативные представления о России. Наша страна теперь не просто полюс лютного холода, но и жестокий оплот деспотизма в мире. Политические и социальные последствия русофобии как для русско-австралийских отношений, так и для развития самих австралийских переселенческих колоний уже получили определенное освещение в отечественной исторической литературе. Заслуга А.С. Петриковской в том, что она смогла обнаружить, ввести в научный оборот и оценить в империологическом плане, как оказалось, весьма многочисленные культурные проявления русофобии в Австралии. Это и постановки пьес и фарсов о мнимом вторжении русских в Австралию, и романы-предупреждения Дж. Рэнкена и Дж. Сазерленда о возможности русского завоевания пятого континента, и многочисленные произведения публицистов. Подобные сочинения закрепляли в австралийском общественном сознании стереотипы восприятия русских как дикой и враждебной нации.

Вместе с тем уже во второй половине XIX в., по мере превращения русской культуры во влиятельную составную часть мирового культурного процесса, ее воздействие – пусть пока и в небольших масштабах – начинает сказываться и в Австралии. Автор монографии приводит выявленные ею факты начала гастролей русских артистов на пятом континенте (балерины Е. Барто, танцевальных ансамблей семьи Невских и Пешковых). В монографии содержится замечательный по своей полноте рассказ о гастрольях в России выдающейся австралийской оперной певицы Н. Мелбы. Поездка в Россию положила начало ее длительным дружеским и творческим контактам с представителями русской культуры (в том числе и с оказавшимися в эмиграции в Австралии после революции русскими музыкантами Д. Смирновым, Я. Спиваковским, Е. Цимбалистом).

Первые попытки осмыслить реалии русской жизни предпринимает австралийский театр (пьесы на «русские темы» Ст. Джеймса, А. Дэмпера, Ф. Хопкинса, У.М. Экхерста). В начале XX в. на австралийской сцене осуществляются постановки пьес А.П. Чехова и Л.Н. Толстого. Русские детали, больше, правда, биографического свойства, можно найти в творчестве художников Н. Шевалье, А. Руссова (А.Н. Волкова-Муромцева), скульптора Дж. Ламберта.

Развиваются контакты русских и австралийских ученых. Большой резонанс в научном сообществе Австралии последней четверти XIX – начала XX в. вызвала деятельность на пятом континенте Н.Н. Миклухо-Маклая, этнографа А.Л. Яшенко, биолога А.Н. Краснова, экономистов Н.А. Крюкова и В.В. Святловского, педагога А.П. Нечаева. Определенные культурные начинания могут быть отмечены и в деятельности появившейся в Австралии к началу XX в. русской общины: австралийцы охотно посещали концерты и спектакли русских актеров-любителей. Узнавание России и русских через ее науку и художественную культуру, общение австралийцев со все более многочисленными русскими эмигрантами «высвечивали живые черты людей» из далекой северной страны и в какой-то мере размывали мрачные стереотипы о «северной деспотии» (с. 39).

Однако наибольшее воздействие с конца XIX в. на умы австралийцев оказывает великая русская литература. Уже к началу XX в. австралийцы знакомятся с творчеством И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. А.С. Петриковская убедительно доказывает, что в Австралии были известны произведения М.Ю. Лермонтова, а также отмечает наличие своего рода русского культурного пласта в мироощущении австралийского писателя второй половины XIX в. Маркуса Кларка. В монографии рассказано о популяризации русской литературы в Австралии литературоведом Э. Гарнетом и его женой, переводчицей К. Гарнет. Русский художественный опыт, как подчеркивает А.С. Петриковская, оказывает непосредственное влияние на формирование личности и творчества представителей так называемого постколониального романа, писателей Г. Ричардсон, Б. Бейнтон и, наконец, такого крупного представителя австралийской литературы XX в., как В. Палмер. Отдельная глава посвящена русской теме в творчестве всемирно известного австралийского поэта Г. Лоусона, что, несомненно, может расцениваться как существенный вклад в литературоведческий анализ творчества зачинателя австралийской национальной поэзии.

Заканчивая рассказ о первом периоде культурного взаимодействия австралийцев и русских – периоде, завершившемся ко времени начала первой мировой войны и русских революций 1917 г., А.С. Петриковская приходит к выводу, что хотя к этому времени Россия и занимала место на периферии австралийской картины мира, тем не менее ее образ уже не определялся только в понятиях холода, снега и свирепого медведя. «Фактором непосредственного культурного значения стало приобщение Австралии к духовным богатствам России», австралийцы осознали «яркость русских цветов» в палитре мировой культуры, а между двумя странами завязались «австралийско-русские культурные связи в полном смысле слова» (с. 70).

В межвоенные десятилетия XX в. темп развития культурных связей между Россией (СССР) и Австралией резко замедлялся, контакты граждан в частном порядке практически сошли на нет. Вместе с тем интерес к России и русской культуре, ее воздействие на развитие культурной жизни Австралии сохранились и даже (как и во многих других государствах мира) возросли. Однако теперь «рецепция советской культуры была политизирована и вытекала из принципиальных различий в отношении к самой стране» (с. 75). Отношение к СССР являлось своего рода ферментом идеологического и интеллектуального брожения, и в этом смысле фактором движения вперед, развития австралийской общественной мысли. Анализ этого интеллектуального брожения – прежде всего в литературной среде – осуществлен впервые в отечественной историографии и литературоведении и также является несомненной заслугой А.С. Петриковской.

Проводником позитивной информации об СССР, о достижениях его литературы и искусства стала левая интеллигенция Австралии. В различные периоды своего творческого пути левых и даже коммунистических взглядов придерживались писатели К.С. Причард, Дж. Уотен, Ф. Харди, Д. Кьюзек, А. Маршалл, В. Палмер, историки И. Тернер, М. Кларк, художники Н. Кунихан, Г. Макклиток, В. О'Коннор и многие другие деятели австралийской культуры. В монографии содержится анализ генезиса левых просоветских настроений в австралийском культурном истеблишменте и прослеживается эволюция его отношения к СССР. Интерес к стране Советов имел, если можно так выразиться, волнообразный характер: присталь-

ное внимание к идеям русской революции и успехам в деле индустриализации сменилось настороженностью и разочарованием в годы разгара сталинских репрессий, восхищение героизмом советского народа и чувство солидарности с нашей страной в годы Второй мировой войны уступило место настроениям недоверия и даже страха в наступивший затем период «холодной войны». В монографии подробно рассказано о деятельности обществ культурных связей с СССР, о поездках рабочих делегаций и отдельных представителей австралийской интеллигенции в страну Советов. Особый интерес представляет глава, посвященная отношению к СССР К.С. Причард. А.С. Петриковская подвергает критике традиционный для советского литературоведения (и созданный, как признает автор, в определенной мере и ее собственными усилиями) одномерный и упрощенно положительный взгляд на творчество и общественную деятельность К.С. Причард. Воззрения выдающейся представительницы австралийской литературы, ее взгляды на СССР и социализм показаны во всей их сложности и неоднозначности (с. 94–115).

В то же время продолжалось освоение австралийскими интеллектуалами наследия русской классической культуры. Творчество Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова, Мережковского, Горького, поэзия Пушкина, Майкова, так же как и музыка Чайковского, Рахманинова, Стравинского теперь доступны и хорошо известны в Австралии. Именно их сочинения формируют представления австралийцев о России и русских. В монографии проведен тонкий и убедительный анализ влияния русских образов, вскрыты русские аллюзии и реминисценции в творчестве писателей В. Палмера, Дж. Моррисона, Р. Робинсона. А. Маршалла, Дж. Уотена, П. Уайта, Дж. Роуланда, поэта и переводчика Р.Х. Моррисона, художников А. Бойда, Н. Кунихана, Н. Линдсея, театральных деятелей Д. Фиттон и К. Шеперд.

Большое воздействие на развитие австралийского музыкального и хореографического искусства оказали гастролы в Австралии Ф.И. Шаляпина (1926 г.), А. Павловой (1926 и 1929 г.), О. Спесивцевой (1934 г.), ряда русских балетных трупп. Гастролы имели не просто ошеломляющий успех, но и оставили, как отмечает А.С. Петриковская, «глубокие следы на разных уровнях – профессиональном, общестетическом и философском» (с. 179). Гастролы русских танцовщиков, проведенные ими в австралийских городах мастер-классы положили начало развитию школ австралийского национального балета, а сами образы балетной сцены долго ассоциировались у австралийцев с русским национальным характером (с. 183). Оценивая степень влияния и воздействия русской классической культуры на процессы, развивавшиеся в культуре австралийской, А.С. Петриковская пишет: «Нити, протянувшиеся в первой половине XX в. от русской литературной классики к литературе и искусству Австралии, дали прочную, не подверженную минутным политическим колебаниям основу для диалога культур» (с. 149).

В плане изучения особенностей межэтнического взаимодействия и процессов адаптации компактной национальной группы в инонациональном окружении весьма интересны факты, представленные А.С. Петриковской о культурных аспектах жизни русской диаспоры в Австралии. В первой половине XX в. Австралия пережила три больших волны эмиграции из России. До российских революций 1917 г. в Австралии преобладала русская трудовая и революционная эмиграция, причем своим радикализмом в 1914–1919 гг. русские революционеры лишь усиливали предубеждения части австралийцев против непонятной «варварской России». После 1917 г. в Австралии появились представители белой эмиграции, отличавшиеся, как правило, высоким интеллектуальным и профессиональным уровнем, после Второй мировой войны большая группа русских попала на пятый континент из Западной Европы в числе перемещенных лиц: вследствие победы коммунистической революции в Китае к ним добавились так называемые харбинцы – представители и потомки представителей русской эмиграции в Маньчжурии.

В целом русская община Австралии смогла решить обе стоявшие перед ней задачи. Было обеспечено сохранение национальной идентичности – русских религиозных, воспитательных и культурно-творческих традиций. В то же время русские эмигранты смогли выступить в качестве своего рода посланцев русской культуры, которые не просто знакомили жителей пятого континента с ее достижениями, но и приняли активное участие в интеллектуальной и культурной жизни новой родины. В монографии освещается история создания и деятельности в Австралии православных приходов, русских клубов, библиотек-читален, школ и групп по изучению русского языка.

А.С. Петриковская анализирует идейную борьбу в среде русской эмиграции, которая нашла отражение на страницах русскоязычной эмигрантской прессы, рассказывает о взглядах и просветительской деятельности И.Н. Серышева, Б.С. Домогацкого и других видных представителей эмиграции. Автор при этом подчеркивает, что забота о сохранении своего духовного наследия отнюдь не означала сохранения русскими этнокультурной замкнутости. Они активно «осваивали австралийские условия» (с. 154). Творчество многих русских эмигрантов позволило им стать заметными фигурами в культурной жизни всей Австралии. Огромное воздействие на развитие изобразительного искусства страны оказал художник Д.И. Васильев, ныне считающийся одним из классиков австралийской живописи XX в. Русскую театральную традицию и, в частности, систему Станиславского привнес в театральную жизнь Австралии Д. Риббуш. Дом Риббуша в Мельбурне стал местом встреч и творческих дискуссий представителей русской культуры и австралийской художественной интеллигенции. Начало академическому изучению русского язы-

ка и литературы в Австралия было положено усилиями Н.М. Максимовой (Кристесен), которая выступила организатором в 1949 г. первой на пятом континенте кафедры русского языка и литературы в Мельбурнском университете. Фонды русских книг в австралийских университетах помог создать библиофил и коллекционер К.М. Хотимский. Заметный вклад в становление австралийского национального бага внесли М. Бурлаков, Э. Борованский, К. Абрикосова-Буслова.

Материалы, представленные в монографии А.С. Петриковской, позволяют предположить, что параллельное развитие процессов сохранения своей национальной идентичности и «мягкой», добровольной ассимиляции, типичных для русской и многих других национальных общин Австралийского Союза, стали, возможно, одним из наиболее существенных факторов успеха политики мультикультурализма, лежащей в основе национальной политики современной Австралии.

Собранный А.С. Петриковской фактический материал, безусловно, подтверждает ее вывод о том, что «к середине XX в. русское эхо в культуре Австралии стало гораздо многозвучнее, чем в его начале» (с. 183). Но в то же время образ России в австралийском национальном сознании оказался расщепленным: в зависимости от идеологических предпочтений она рассматривалась или в чересчур позитивном, или в излишне негативном ключе. Однако, по мысли автора, идеологические разногласия не могли разрушить в глазах австралийцев «сущность облика России как великой – в географическом, историческом, культурном измерениях, державы, как соиздательницы непреходящих ценностей» (с. 185). А.С. Петриковская выражает надежду, что эта двойственность восприятия австралийцами России и русских исчезнет по мере развития эволюционных процессов в современной России и расширения непосредственных контактов между народами двух стран.

Вызывает уважение скрупулезность, с которой автор монографии выявляет и анализирует факты соприкосновения русской и австралийской культур в области литературы, музыки, изобразительного и театрального искусства. Вместе с тем практически за пределами проведенного А.С. Петриковской исследования остались, к сожалению, не менее значимые факты взаимодействия русской и австралийской науки. После окончания второй мировой войны и переселения в Австралию свою деятельность в этой стране успешно продолжили ученые-«харбинцы» (например, востоковед А.П. Хионин), а также русские инженеры, получившие образование в Харбинском Политехническом институте. В тексте монографии – в целом тщательно выверенном – встречаются досадные неточности. Так, на с. 16 утверждается, что к рисункам художника Е.М. Корнеева, участника кругосветной экспедиции на шлюпах «Открытие» и «Благонамеченный», обращаются современные географы и этнографы. Это неверно: рисунки Корнеева, сделанные в ходе этой экспедиции, до наших дней не дошли. На с. 123 отсутствуют даты жизни писателя Г. Бландена, хотя в аналогичных случаях эти данные для других персонажей монографии указываются. Можно отметить как позитивный факт наличие в рецензируемой монографии иллюстраций, однако их (видимо, по не зависящим от автора причинам) гораздо меньше, чем того требует тема, посвященная соприкосновению культуры и искусства двух стран.

Отмеченные недочеты, разумеется, не снижают исключительно благоприятного впечатления от рецензируемой работы. А.С. Петриковской удалось воссоздать панораму культурного взаимодействия России и Австралии, ее исследование представляет собой заметный вклад в отечественное австраловедение. Труд А.С. Петриковской несомненно будет интересен не только для культурологов и литературоведов, но и будет в полной мере востребован специалистами в области межэтнических контактов и имагологии.

А.Я. Массов

© ЭО, 2003 г., № 2

Ценные исследования по этноархитектуре (о трудах С.О. Хан-Магомедова, посвященных зодчеству народов Южного Дагестана)

Стало уже общим местом, что в XX в. многие важные и крупные открытия достигались на стыке разных, подчас, казалось бы, несовместимых областей знания. В архитектуроведении есть сложнейший раздел, названный академиком Российской Академии архитектуры и строительных наук В.П. Орфинским «этноархитектурой». Этот термин подразумевает, что ни объемно-пространственное построение зданий, комплексов и поселений, ни их художественный образ, ни декоративное оформление, оборудование жилища и мебель не могут быть поняты, научно описаны и систематизированы без глубокого знания народного быта, языка, культурных ценностей, духовных и светских обычаев и ритуалов, представляемого этнологией (социальной антропологией), историей, религиоведением, лингвистикой и другими научными дисциплинами. Со своей стороны архитектуроведение, изучая и описывая среду жизнедеятельности чело-